

Ирина Николаевна Токарчук, к. филол. н.
Дальневосточный федеральный университет,
Владивосток, Россия
э-почта: tockarchuck.ira@yandex.ru

Irina Nikolaevna Tokarchuk, Cand. of Sc.
(Philology)
Far Eastern Federal University, Vladivostok,
Russia Federation
e-mail: tockarchuck.ira@yandex.ru

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ *БУКВАЛЬНЫЙ*: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА

Рассматривается имя прилагательное *буквальный* в диапазоне своих семантико-синтагматических реализаций. Определяются особенности употребления прилагательного как частицеподобной единицы с гибридными свойствами.

Ключевые слова: имя прилагательное; семантика; прагматика; синтагматика; коммуникативно-прагматическая функция; партикулизация; гибридные свойства.

THE ADJECTIVE *БУКВАЛЬНЫЙ*: SEMANTICS AND PRAGMATICS

The adjective *буквальный* is considered in the range of its semantic and syntagmatic realizations. The features of the adjective usage as a particle-like unit with hybrid properties are determined.

Key words: adjective; semantics; pragmatics; syntagmatics; communicative-pragmatic function; particlization; hybrid properties.

Целью настоящего исследования является установление типов употребления имени прилагательного *буквальный*, их синтагматической и семантической квалификации. Основные результаты исследования заключаются в определении диапазона значений данного прилагательного и выявлении специфики его функционирования как частицы.

В рамках одного из активных процессов в современном русском языке, связанных с десемантизацией знаменательной лексики, прагматикализацией значений и т. п., отмечается приобретение некоторыми прилагательными (*такой, этаким, эдаким, суций*) функции «интенсификатора оценок, выносимых говорящим», как результат модализации [2, с. 269]. Слова *настоящий, форменный, чистый, целый* и некоторые другие в своих разговорных реализациях выступают как «частицеподобные» единицы гибридного типа, поскольку совмещают в одном употреблении коммуникативно-прагматическую функцию и грамматические свойства знаменательной части речи [1, с. 7]. Наши наблюдения показывают, что в данный процесс вовлечено и имя прилагательное *буквальный*.

Анализ материала основного корпуса НКРЯ (более 2300 вхождений полной формы данного слова в разных числовых, родовых, падежных формах) позволяет утверждать, что прилагательное *буквальный* демонстрирует способность выступать в нескольких семантических реализациях, расширяя свои синтагматические возможности. В целом выделяется четыре типа употребления этого слова.

Чаще всего слово *буквальный* реализуется в характерном для себя значении 1) 'точно соответствующий смыслу слов, текста', 'дословный', обычно выступая при существительных, значение которых так или иначе связано с речемыслительной деятельностью или ее результатом, а именно с интерпретацией, пониманием, созданием, воспроизведением слов, фраз, текста, установлением соответствия между ними: *понимание, трактовка, выражение, воплощение, воспроизведение, пересказ, перевод, ответ, цитата, запись, сходство, совпадение* и под., среди которых количественно выделяется *смысл* (за счет частотного выражения *в буквальном смысле* с 1297 употреблениями). Например: *Помимо буквального смысла эти слова должны были означать, что Олег не боится Мансура* (Е. Чижов. Перевод с под-

строчника, 2012); *Радовала сохранившаяся свежесть памяти, да и вообще у него было пристрастие к цитированию – и к буквальному, и в духе перифразы* (Ю. Нагибин. Смерть на вокзале).

При этом подобные словосочетания, обозначающие речемыслительные операции или их результат, могут использоваться иначе – при описании точного невербального воплощения слов, текста – в музыке, в живописи, в действиях, например: *Излишнее стремление к буквальному сохранению текста при музыкальном его воспроизведении также не имело никаких достаточных оснований, не вызывалось никакою художественною надобностью...* (С. Базунов. Александр Даргомыжский. Его жизнь и музыкальная деятельность, 1894); *Омэнн пишет следующее: «Речь шла вовсе не о реформе, направленной на возврат к буквальному соблюдению Правила св. Бенедикта»* (В. Мартынов. Конец времени композиторов, 2002); *Большинство изображений, на которых мы видим демона в чужом теле, – не буквальная иллюстрация текста видения, а попытка передать его интригу визуальными средствами* (Д. Антонов. Меняя тела: демоны как иллюзионисты // «Теория моды», 2013–2014).

В обратном же случае – при точном вербальном воспроизведении невербального феномена – отмечается расширение круга существительных, с которыми согласуется *буквальный*, например: *Первая страница романа переписана им 12 раз (правда, во второй части многие главы писались чуть ли не набело – там Фадеев точнее следовал за фактами, а в конце и вовсе перешел к почти буквальной документальности, обильно цитируя бумаги и рассказы очевидцев)* (В. Авченко. Фадеев, 2017).

Другие типы употребления прилагательного *буквальный* реализуются вне контекста речемыслительной деятельности в условиях нетипичной сочетаемости с существительными, не имеющими каких-либо общих семантических или грамматических особенностей.

Значение 2) ‘точно (полностью) соответствующий чему-либо’, не ограниченное областью слова или текста, представлено в случае совпадения очертаний, изображений, сходства ситуаций, копирования поведения и т. д. См., например, при восприятии отражения в зеркале: *Он видит (или не видит) свое отражение в нем в зависимости от размеров зеркала, от расстояния до него и от углового расположения по отношению к нему. /.../ Стоит представить себе, что лицо человека – это источник света F, и вся геометрия построений становится чувственно (зрительно) буквальной* (Н. Щепетков. Сборник задач по архитектурной светологии. Часть третья: Освещение и зрительный комфорт в архитектуре, 2011) – очертания в зеркале визуально воспринимаются как точно соответствующие имеющим место в реальности.

Значение 3) ‘настоящий’, ‘реальный’ формируется, очевидно, в результате ре-семантизации, например: *И в книжках так пишут. А. И. читал, когда-то очень много читал. Он и сам так думал – всего квартал, всего месяц назад. А на самом деле, в буквальной жизни все как раз наоборот вышло* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана, 1997) – в реальной, настоящей жизни, а не придуманной авторами книг. Данное значение может сопровождаться установкой воспринимать существительное в его прямом (буквальном) смысле, ср.: *Речь идет не о буквальной колонизации, как в «обычном», неизбежно загнивающем империализме, а об идеологической, причем не насильственной, а добровольной: в качестве морковки новым государствам предлагалась идея мировой революции и коммунизма* (Л. Данилкин. Ленин: Пантократор солнечных пылинок, 2017).

Значение 4) ‘не настоящий, но имеющий сходство’, ‘подобный’ формируется на основе приобретения прилагательным оценочного характера при компонентах с переносным значением: *Он [сбитый самолет] падает недалеко от мясокомбината, и к нему, несмотря на обстрел и крики командиров, начинается буквальный паломничество* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда, 1946) – описываемая ситуация не является настоящим паломничеством в прямом смысле, но очень напоминает его. Прилагательное *буквальный* десемантизируется, теряя изначально присущее ему значение, приобретает прагматическую функцию, связанную с установкой убедить адресата в правильности, точности выбранной номинации, ср.: *Но это «академическое предсказание» никто и слушать не захотел, так велики были явные достоинства ДДТ. Вокруг него совершалась буквальная пляска радости. По многим причинам в Америке новое вещество особо пришло ко двору.* (В. Песков, Б. Стрельников. Земля за океаном, 1977). Благодаря этому слово – объект исследования – может рассматриваться как частицеподобная единица с гибридными свойствами (т. е. единица с коммуникативно-прагматической функцией, сохраняющая при этом морфологические и синтаксические свойства знаменательного слова). В таком употреблении *буквальный* является типичным примером процесса и результата партикулизации прилагательных.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стародумова Е. А. Русские частицы. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. 67 с.
2. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. : Гнозис, 1994. 344 с.